

Черенкова Ю.В.

Оренбургский государственный университет

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

ЛОКУС «РОССИЯ» В ПОЭЗИИ НОВОКРЕСТЬЯНСКИХ ПОЭТОВ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Антропоцентрическая направленность современной научной парадигмы обусловила закономерное смещение акцентов в изучении языка. В лингвистических исследованиях последних лет язык рассматривается не только как некая система, но как часть общего когнитивного механизма, на первый план выходит изучение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие субъективные и объективные факторы имеют значение в формировании картины мира. Базовой категорией в объекте мировоззренческих координат является пространство, в связи с чем вполне закономерным представляется интерес лингвистов к языковым репрезентациям пространственного восприятия в рамках различных картин мира. Обращение же к поэтическим текстам мотивировано, во-первых, тем, что это частная система средств общенационального языка, а во-вторых, тем, что в них возникает собственная кодовая система (Ю.М. Лотман), концентрирующая культурные концепты этноса, сохраняющая и развивающая понятийные и образные составляющие базовых концептов национальной картины мира.

В данной статье на материале поэзии С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова, П. Орешина в рамках антропоцентрического подхода с когнитивных позиций исследуются особенности лексической экспликации ключевого для русской художественной картины мира пространственного концепта (локуса) «Россия». Используя сложившуюся в современной отечественной когнитивной лингвистике методику гештальтного анализа художественного текста, автор работы выявляет как традиционные для русской литературы в целом, так и характерные только для новокрестьянской поэзии гештальты локуса «Россия». Отмечается, что в большинстве анализируемых текстов перечисленные гештальты антропоморфного типа эксплицируются посредством метафор, сравнений, эпитетов, лексической самоидентификации.

По мнению автора, предложенный аспект исследования позволяет наиболее наглядно определить способы языковой репрезентации такой важной для русского национального самосознания социокультурной и пространственной категории, как «Россия», проследить процесс «приращения смысла» и возникновения ассоциативных значений, понять, как индивидуальные образы остаются в долговременной памяти носителей национальной культуры.

Ключевые слова: локус, гештальт, новокрестьянская поэзия, Россия.

Тема России, философское осмысление её роли в мире, истории, дальнейших путей развития имеют давнюю традицию.

В данной работе мы поставили перед собой задачу обратиться к текстам новокрестьянских поэтов с целью выявления в них особенностей лексической экспликации локуса «Россия». В центре внимания оказались поэтические фрагменты, принадлежащие перу Н. Клюева, С. Клычкова, П. Орешина, С. Есенина, А. Ширяевца.

Поэзия, вошедшая в историю литературы как новокрестьянская, возникла на фоне активизировавшегося в начале XX века интереса к русскому фольклору, прошлому страны, что явилось ярким отличием русской литературы от европейской. Новокрестьянскую поэзию нельзя назвать общелитературным течением с единой литературной программой. Это, скорее, союз художников слова, объединенных своими мировоззренческими и сословными позициями. Их «ориентация на традицию, ритуальность,

чувство природы, отношение к деревенскому быту как к целостному миру воспринимались как возрожденная нравственная основа новой эпохи» [1].

Мы сосредоточили наше внимание на одном из способов лексической экспликации локуса «Россия», а именно исследовали его гештальтную структуру в новокрестьянской поэзии начала XX века.

В современных исследованиях под художественным гештальтом понимается «образная составляющая в формировании поэтического смысла, посредством которой представления поэта о сущности явления, носящие абстрактный характер, выражаются через конкретные образы» [2, с. 9].

Исследованные нами поэтические тексты дают исключительно богатый ряд прежде всего антропоморфных гештальтов локуса «Россия» и иллюстрируют различные приемы их лексической экспликации.

Анализируя поэтические фрагменты, мы отметили как традиционные гештальты исследуемого локуса, так и единичные, характерные либо только для данного временного отрезка, либо только для конкретного автора.

Прежде всего нами отмечена антропоморфность «женского» типа, что связано с традиционным представлением Руси / России как женщины, матери. «Мать – сыра земля» былин и пословиц, знакомых русскому человеку с детства, – это древнейшее мифологическое представление восточных славян, во многом обусловившее специфику русского космоса» [3, с. 24]. Русская земля издревле наделяется характеристиками, присущими женщине; она способна мыслить, чувствовать, действовать подобно человеческому существу и прежде всего женщине-матери: она дает жизнь, вскармливает, заботится, заступается, жалеет своих детей.

Поэзия начала века также обращается к женским антропоморфным гештальтам локуса Россия. В.Ю. Прокофьева, предпринявшая масштабное исследование по данной теме, приходит к выводу о достаточно широко распространенной в поэтических текстах Серебряного века конкретизированной антропоморфности [4, с. 39–42]. Россия предстает в конкретных образах: *женщины, матери, невесты, жены, старухи*. Необходимо подчеркнуть, что если определение России посредством «женских» лексем *мать, жена, невеста* имеет достаточно длительную фольклорную и литературную традицию, то *женщина, старуха, молодница* – единичную фиксацию в текстах начала века:

*Её ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О кто Ты: Женица? Россия?*
(Н. Клюев)

*О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?*
(Н. Клюев. Александру Блоку)

*За Русью-молодицей
Бегут два паренька:
– Ну, что же, озорница,
Кому твоя рука?*
(А. Ширяевец)

«Феминная» природа гештальтов исследуемого локуса может поддерживаться лишь наименованиями предметов женской одежды либо перечислением действий, традиционно связываемых с женщиной:

*Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд!*
(С. Есенин. Базар)

*Давно-давно на подвиг славный
Богатыри не мчатся вскачь,
И горше плача Ярославны
Твой заглушённый тихий плач...*
(А. Ширяевец. России)

*Обронила Россия моленный платок.
И рассыпались косы грозю, пожарами,
Лебединую грудь взбороздил броневик.
Не ордой половецкой, не злыми татарами
Окровавлен священный родительский лик.*
(П. Орешин)

Достаточно часто в новокрестьянской поэзии отмечается гештальт Россия-мать. Рассуждая о распространённости историософемы «Матушка-Русь» как в самой России, так и на Западе, О.В. Рябов приходит к выводу о том, что «русские представляют свою нацию как объединение не сограждан, но родственников, как одну большую семью; Россию же они воспринимают как мать, а не как отца» [5, с. 116]. Многие западные учёные и философы склонны связывать подобный феномен с религиозной спецификой нации.

Так, О. Шпенглер утверждает, что «русский начисто лишён отношения к Богу-отцу» [6, с. 308], В. Шубарт связывает этот факт с культом матери – сырой земли в народной религиозности [7, с. 55]. В отечественной лингвистике эту мысль развивает Ю.С. Степанов, пришедший в своих рассуждениях к выводу о том, что концепт Россия-мать «смыкается с представлениями об особой русской религиозности... с особым отношением к своей стране как к матери или как к жене» [8, с. 513]. Как правило, упомянутый гештальт эксплицируется с помощью лексем *мать, матерья, матка*:

Россия, мать, ты ли это? Ты ли?

Босые ноги, плат по бровь,

Хрустальным лебедем из былей

Твоя слеза, ковыль-любовь

Плывут по вольной заводине!

(Н. Клюев. Из цикла

«О чем шумят седые кедр»)»

Уму – республика, а сердцу – Мать-Русь.

Пред пастью львиною от ней не отрекусь.

Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, –

Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,

О небе пестрядном, где звезды – комары,

Где с аспидом дитя играют у норы,

Где солнечная печь ковригами полна,

И киноварный рай дремливее челна...

(Н. Клюев)

Достаточно распространена и лексическая самоидентификация, позволяющая воссоздать образ Руси-матери либо Руси-мачехи:

Не в моего ты бога верила,

Россия, родина моя!

Ты как колдунья дали мерила,

И был как пасынок твой я.

(С. Есенин)

Заливаются иволги в бабьем цепце

(Есть свирели в парче, плеск волны в жемчугах),

Это Русь загрустила о сыне-певце,

О бизоньих вигвамах на вятских лугах.

(Н. Клюев)

XX век открывает и новые ипостаси локуса Россия. Так именно в новокрестьянской поэзии появляются антропоморфные гештальты России-невесты:

Русские юноши, девушки, отзовитесь:

Вспомните Разина и Перовскую Софию!

В львиную красную веру креститесь,

В гибели славьте невесту-Россию!

(Н. Клюев. Из «Красной газеты»)»

тёщи:

Ты Расся, Расся теща,

Насолила ты лихо во щи,

Намаслила кровушкой кашу –

Насытишь утробу нашу!

(Н. Клюев. «Деревня»)»

пряжи:

И крыльями плещет София –

Орлица запечных ущелий,

То вещая пряжа – Россия

Прядёт бубенцы и метели.

(Н. Клюев)

странницы:

А путь далёк, неясны вехи,

Туман окутывает нас.

Ужели ради злой потехи

Вся Русь в дорогу поднялась?

(Н. Клюев. «Вехи»)»

победительницы:

Богатырский посвист

Побросали немцы шапки медные,

Испугались посвисту богатырского...

Правит Русь праздники победные,

Гудит земля от звона монастырского.

(С. Есенин. Богатырский посвист)

Анализ женских антропоморфных гештальтов поэзии начала века выявил также случаи мифологической персонификации локуса Россия. Использование мифологических и фольклорных мотивов – явление достаточно типичное для русской литературы вообще.

В XX веке происходит оживление мифологических пластов сознания, своеобразный уход в миф, что во многом объясняется разочарованием человека в рационалистическом мировоззрении, чувством социальной нестабильности, крушением основ привычного образа жизни. В новокрестьянской поэзии появляются мифологические сюжеты солярного и лунарного культов, христианские символы, фольклорные образы.

Так, в новокрестьянской поэзии появляется хранящая «клады заклятые свои» «королева – Русь, // Лесная, речная, степная!» (А. Ширяевец), Русь – «царевна сонная», «колдунья» (С. Есенин):

Моя королева – Русь,
Лесная, речная, Степная!
Все сказы ею наизусть
Я знаю, её лишь не знаю!

(А. Ширяевец)

С. Есенин и Н. Клюев прибегают к метафорическим конструкциям, рождающим почти демонические образы России:

Есть в Смольном потёмки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

(Н. Клюев. Ленин)

Тогда не знал я
Чёрных дел России.

(С. Есенин. Мой путь)

Последние примеры явно отсылают нас к гоголевскому образу Панночки-Руси, что вообще характерно для поэзии начала века. М. Эпштейн, говоря о блоковской России, замечает: «... Собственно, Панночка-Россия с её страшной, сверкающей красотой и становится Музой Блока...» [9, с. 142–143]. Этот образ становится и Музой Есенина, который нередко использует лексемы, создающие атмосферу сна-смерти:

И дремлет Русь в тоске своей весёлой,
Вцепивши руки в жёлтый крутосклон.

(С. Есенин. Голубень)

Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

(С. Есенин)

Образ России-покойницы рождается и в творчестве П. Орешина и С. Клычкова:

Повстречаясь с весенней грозой,
Я заслушаюсь и загляжусь,
Как скликаются вешние зои,
Как почиет под сумраком Русь...

(С. Клычков)

Вешнее солнце
В светлой сермяге

Плачет над Русью
Каждое утро росой серебряной.
(П. Орешин. Кто любит родину)

С мифологическим образом России-ведьмы, колдуньи пересекается и сказочный образ России – Снежной Королевы, закономерно продиктованный как климатическими особенностями страны, так и мироощущением человека начала века, переживающего трагические перемены на родине:

И небо, и земля всё те же,
Всё в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.

(С. Есенин)

Мировосприятие новокрестьянских поэтов насыщено религиозной символикой, в связи с чем в их стихах наряду с мифологическими и фольклорными образами возникают и образы библейские.

Россия, как правило, воспринимается в ореоле христианского мученичества, в образе Мессии:

За то, что звездинные раны России
Они посыпают толченым стеклом.
Шипят по соборам кутейные зми,
Молясь шепотком за романовский дом.
(Н. Клюев. Из «Красной газет»)

Рабы, своими мы руками
С убийцами и дураками
Россию вколотили в гроб.

(П. Карпов. История дурака)

Богоматери:

О Русь, приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

*Возри же на нивы,
На сжатый овес, -
Под снежною ивой
Упал твой Христос!*

*Опять его вои
Стегают плетью
И бьют головою
О выступы тьмы*

(С. Есенин)

Таким образом, исследуя антропоморфные гештальты локуса Россия, мы пришли к следующим выводам:

Новокрестьянская поэзия начала XX века представляет как традиционные для русской литературы антропоморфные образы, так и новые, свойственные только данному периоду.

Для новокрестьянской поэзии характерна прежде всего конкретизированная антропоморфность.

Большинство поэтических фрагментов иллюстрируют антропоморфность «женского» типа.

Наиболее распространёнными антропоморфными гештальтами являются *Россия-мать, жена, невеста*; менее распространены – *женщина, старуха*.

Мифологическая и фольклорная традиции приводят к появлению таких гештальтов, как *Россия-волшебница, ведьма, колдунья, покойница, Снежная Королева*.

Библейские мотивы способствуют рождению гештальта *России – Мессии*.

Антропоморфные гештальты в большинстве случаев эксплицируются посредством метафор, сравнений и эпитетов.

12.01.2017

Список литературы:

1. Манн, Ю. Мировая художественная культура. XX век [Электронный ресурс] / Ю. Манн. – Режим доступа: http://20century-art.ru/books/mirovaya_xudojestvennaya_kultu/novokrestyanskie_poety/
2. Беспалова, О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Е. Беспалова. – СПб, 2002. – 20 с.
3. Рябов, О.В. Русская философия женственности (XI–XX века) / О.В. Рябов. – Иваново: Издательский центр «Юнона», 1999. – 137 с.
4. Прокофьева, В.Ю. Русский поэтический локус в его лексическом представлении: на материале поэзии «серебряного века»: моногр. / В.Ю. Прокофьева. – СПб: РГПУ, 2004. – 154 с.
5. Рябов, О.В. «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии / О.В.Рябов // Общественные науки и современность. – 2000. – №4.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О.Шпенглер. – М., 1998. – Т. 2. – 600 с.
7. Шубарт, В. Религия и Эрос / В. Шубарт. – Мюнхен, 1966. – 288 с.
8. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
9. Эпштейн, М.Н. Ирония стиля: Демоническое в образе России у Гоголя / М.Н.Эпштейн // Новое литературное обозрение. 1996. – №19. – С. 129–147.

Сведения об авторе:

Черенкова Юлия Владимировна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, т. (3532) 372436, ауд. 1106, e-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru